

— Господин, пора пить вино для скрепления уз.

Пара свадебных свечей с изображением дракона и феникса озаряла покои. Два человека в алых нарядах сидели друг напротив друга, а между ними стояли два кубка.

Заговорил тот, что помладше. Его кожа была белой и нежной, а глаза — живыми и лукавыми. Несмотря на мужской пол, он выглядел до того изящно и мило, что напоминал безобидного кролика.

Мужчина, которого он назвал главой секты, услышав это, взял кубок со стола. Он уставился на вино янтарного цвета, но не спешил пить. Вместо этого он произнёс:

— И Юй, сколько лет ты уже со мной?

Юноша по имени И Юй заметно опешил. Его взгляд забежал — казалось, он не понимал, с чего вдруг глава секты задал такой вопрос.

Мужчина, хоть и спросил, не дожидаясь ответа, продолжил сам:

— Когда я отомстил своим врагам, на меня пало клеймо предателя, убившего учителя. Весь мир проклинал меня, презирал, и только ты один пожелал остаться рядом.

Услышав о делах давно минувших дней, И Юй кротко улыбнулся:

— Глава, сегодня день нашей свадьбы, не стоит вспоминать о печальном. Впредь я буду всегда рядом. Я знаю, сколько страданий вам пришлось вынести, но всё это позади. Кто теперь посмеет смотреть на вас свысока? Кто не будет трепетать перед вами?

И Юй закончил, но заметил, что глава всё так же не сводит с него глаз. У мужчины было редкой красоты лицо, но оно оставалось бесстрастным, а уголки губ привычно опущены вниз — это невольно внушало давление и страх.

Видя, что глава молчит, И Юй снова заговорил, исполненный нежности:

— Глава, отныне и навеки я буду с вами, в этой жизни и в следующей, никогда не покину и не предам.

— Никогда не покинешь и не предашь...?

Мужчина повторил эти слова, и на его лице промелькнуло странное выражение — трудно было разобрать, радость это или что-то иное. Повторив фразу, он поднял кубок, осушил его одним

глотком и с глухим стуком поставил обратно на стол.

И Юй, увидев это, расплылся в лучезарной улыбке, в тысячу раз более радостной, чем прежде, и тихо усмехнулся:

— Глава, вы так спешите. Вино для скрепления уз пьют иначе.

Мужчина лишь холодно ответил:

— Неважно.

Глаза И Юя сияли от возбуждения, и он тоже залпом выпил свой кубок.

Едва он сделал глоток, как глава поднялся. Его высокая, широкая фигура отбросила на стену длинную тень. От этого зрелища И Юй невольно вздрогнул, почувствовав внезапный укол страха.

— Глава, вы слишком торопитесь, — поспешно проговорил он. — Ночь длинна, времени у нас предостаточно. Может, выпьем ещё по одной?

И Юй решил, что мужчина не терпит дожидаться близости, но глава, поднявшись, лишь развернулся и вернулся, неся в руках нефритовый ларец длиной в девять и шириной в восемь цуней.

И Юй понял, что принял желаемое за действительное, и ощутил неловкость, смешанную с досадой. Однако всё это было неважно — его взгляд был прикован к ларцу.

Подавляя волнение, он спросил:

— Глава, это... что это?

Мужчина поставил ларец перед ним и сухо, без лишних слов, ответил:

— То, чего ты хотел.

Юноша засуетился, нервно хихикая и притворно кокетничая:

— Глава, что за слова? Я ничего не понимаю. Откуда мне знать, что там внутри?

Несмотря на эти слова, он нетерпеливо протянул руки и рывком открыл ларец. Внутри лежала

тонкая книжица, на обложке которой красовались странные, трудночитаемые знаки. Это были письма Небесного начертания, складывающиеся в название Божественный Трактат Драконьего Панциря. Обычный человек их разобрать не мог.

И Юй не знал Небесного начертания, но эти четыре иероглифа узнал сразу. Он пришёл в ещё больший восторг, резко вскочил и потянулся к книге.

Однако стоило ему подняться, как ноги подкосились. Из горла вырвался хрип, словно он чем-то подавился, тело подалось вперёд, и он с грохотом смахнул со стола кубки и ларец.

Раздался резкий, неприятный звон разбитой посуды. Ларец упал на пол, на его безупречной поверхности появилась глубокая трещина, а книга выпала наружу.

Мужчина не взглянул ни на разбитый ларец, ни на трактат. Он смотрел только на И Юя, рухнувшего у стола. Тот схватился за горло, судорожно вдохнул и выплюнул сгусток крови, который ярко окрасил столешницу.

— Я... что со мной? Нет! Это невозможно! — в ужасе прошептал И Юй.

В его глазах застыл страх. Он в панике уставился на валявшиеся на полу кубки — они были пусты, в них не осталось ни капли вина.

Мужчина смотрел на него сверху вниз:

— Ты сам добавил яд в вино для скрепления уз. Неужели ты ждёшь ответа от кого-то другого?

И Юй закашлялся, и с каждым разом крови становилось всё больше, словно прорвало плотину. Лицо его исказилось от ненависти и недоверия:

— Ты! Ты тайно подменил кубки?! Ты... ты не доверял мне?

И Юй был в отчаянии, от его прежней нежности не осталось и следа. Ведь он сам приготовил яд и прекрасно знал — противоядия не существует.

Мужчина усмехнулся:

— А с чего бы мне тебе доверять?

— Я столько лет был с тобой! Ты... — закричал И Юй.

Не дав ему договорить, мужчина спокойно произнёс:

— Ты хотел убить меня ради Божественного Трактата Драконьего Панциря и своего дяди, господина Воци. Почему я должен был тебе верить?

— Ха-ха! — услышав это, И Юй вдруг разразился безумным хохотом. Он и подумать не мог, что все эти годы его осторожные игры были видны насквозь.

— Верно, всё верно! — кричал И Юй. — Кто полюбит такого безумца, как ты? Ты чудовище! Ты хоть понимаешь это? Никто тебя не полюбит! Никто!

Он вопил, захлёбываясь кровью, но продолжал кричать:

— Ты погубил своих родителей! Ты погубил своих друзей! Ты убил собственного учителя! Ты ранил своего дядю и предал секту! Даже если ты так могуществен, даже если за тобой стоят Тридцать Шесть Небесных Врат — что толку? Скажу тебе правду: я никогда тебя не любил! Я пришёл к тебе только ради дяди. В этой жизни... нет, во всех своих перерождениях ты будешь одинок! Ты — Звезда Одинокого Небесного Рока! Все, кто рядом с тобой, обречены на ужасную смерть! Ничего хорошего тебя не ждёт!

Мужчина слушал его ядовитые крики, не меняясь в лице. Он лишь опёрся о стол и медленно опустился на стул.

И Юй, дойдя до грани безумия, продолжал твердить о Звезде Одинокого Небесного Рока, пока его тело не обмякло и он не рухнул на пол, затихнув навсегда.

Вскоре после того, как И Юй испустил дух, мужчина вдруг качнулся и сполз со стула, ударившись плечом об пол. В горле у него что-то заклокотало, и он тоже выплюнул кровь, забрызгав ларец и книгу.

Он давно предсказал сам себе судьбу. Он знал, что его время на исходе. С того самого момента, как решил отомстить, он знал, сколько ему осталось.

Теперь, когда месть свершилась и одно лишь упоминание его имени наводит ужас на врагов, сожалений не осталось. Но он — глава Тридцати Шести Небесных Врат — не мог позволить себе умереть от чужой руки!

Мужчина холодно усмехнулся, глядя на труп И Юя, вытер кровь с губ и пробормотал:

— Самоуверенный глупец.

Для совершенствующегося смерть — не конец, а лишь поворотный пункт. Он уже распорядился всеми делами секты. Как только пройдёт час, он переродится и станет Бессмертным Призраком.

Это низшая ступень совершенствования — перерождение через вселение в чужое тело или иные подобные способы. Многие презирают такой путь, но мужчине было всё равно. В глазах окружающих он и так давно стал исчадием зла, так что какая разница?

Он лежал на полу, взгляд его туманился, дыхание слабело. Он видел лишь мерцание свечей и... тот самый ларец с книгой на полу. Из-за этого предмета погибли его родители, друзья, а сам он стал изгоем.

Тридцать Шесть Небесных Врат были великой силой, а их глава Дунфан — личностью, о которой знали все, хотя при упоминании его имени все лишь плевались.

У него не было имени, только фамилия Дунфан. Родители погибли, когда он был совсем мал, и больше никто не называл его по имени. Он уже и сам забыл, как его звали.

В детстве Дунфан скитался по улицам, но те годы были беззаботными. Позже ему посчастливилось стать учеником великого мастера, и благодаря таланту он вызывал зависть у многих собратьев.

Лишь спустя годы он случайно узнал, что его учитель и был тем самым врагом, который погубил его родителей. Ради Трактата Драконьего Панциря учитель убил его отца, а потом обманом заманил мать, пытал её, и, не добившись желаемого, замучил до смерти.

Чтобы заполучить трактат, учитель сочинил ложь и оставил мальчика при себе. Внешне он был добрым наставником, а втайне травил его ядами и проклятиями, боясь вырастить тигра.

Дунфан узнал правду, будучи ещё ребёнком. У него не было сил для мести, поэтому он притворялся, что ничего не знает, улыбался учителю в ответ и пил яды, которые тот ему приносил, терпеливо ожидая своего часа.

К счастью, он отомстил и создал грозные Тридцать Шесть Небесных Врат. Но клеймо предателя смыть не удалось. Из-за ядов и проклятий его тело было истощено, и скорая смерть была лишь вопросом времени.

Сознание Дунфана угасало. Он вспоминал прошлое и понимал, что больше не чувствует ни ненависти, ни боли, лишь одиночество. Сквозь туман он будто слышал крики И Юя:

— Звезда Одинокого Небесного Рока...

Дунфан чувствовал, как тонет. Он хотел сопротивляться, но руки и ноги были скованы. Он словно заперт в тесном пространстве... будто в гробу. Темнота давила, не давая дышать.

— Учитель, Божественный Тракtrat Драконьего Панциря доставлен, он в ларце.

Кто-то говорил о трактате! Дунфан остро отреагировал на эти слова, ощущение удушья отступило, разум прояснился, но глаза по-прежнему ничего не видели. Он не знал, где находится — явно не в своих покоях и, возможно, даже не в секте.

— Положите его здесь, — раздался холодный, спокойный голос.

Ученик поставил ларец на стол. Тот самый, с трещиной на безупречном белом нефрите. Поклонившись, ученик добавил:

— Учитель... глава Тридцати Шести Небесных Врат... мёртв.

Раздался звон — что-то хрупкое разбилось об пол.

— Уходи, — холодно произнёс тот же голос.

Ученик вышел. В комнате остались лишь ларец и хозяин покоев. Мужчина долго сидел в тишине, а затем протянул руку и открыл ларец...

Дунфан услышал, что он мёртв. Он вспомнил, что действительно умер, но всё пошло не так, как он планировал. Прежде чем он успел обдумать это, перед глазами вспыхнул свет.

Раздался щелчок, словно открыли окно. Свет ударил в глаза, причиняя боль. Вскоре зрение адаптировалось, и Дунфан вздрогнул от изумления.

Прямо перед ним было лицо мужчины. Тот был одет в светло-фиолетовые одежды, выглядел словно небожитель, не знающий земных тревог. Его красота была неземной. Если кто-то не верил в любовь с первого взгляда, то одного взгляда на этого человека было достаточно, чтобы понять, насколько нелепы были такие сомнения.

Но больше всего Дунфана потрясло не лицо. Он слишком хорошо знал этого человека.

Господин Воци, которого боготворил мир, тот самый дядя, которого безумно любил И Юй, и младший брат того самого врага, что убил его родителей. Как Дунфан мог его забыть?

Дунфан в шоке смотрел на Цзычэ Уци, а тот, прищурившись, внимательно изучал его, словно пытаясь заглянуть в самую душу.

Не успел Дунфан осознать происходящее, как Цзычэ Уци протянул руку. Его длинные, изящные пальцы с неторопливой уверенностью коснулись щеки Дунфана...

Тепло. Не холодно и не жарко — это было тёплое дыхание жизни Цзычэ Уци. Его рука точно легла на лицо Дунфана.

Дунфан мог лишь смотреть, чувствуя это тепло, от которого по телу пробежала дрожь. Он не мог ни пошевелиться, ни заговорить, ни даже нахмуриться.

Из-за своего прошлого Дунфан давно не позволял никому прикасаться к себе, и даже И Юй не имел на это права. Это странное ощущение было ему неприятно, и если бы он мог, то разорвал бы это идеальное лицо, лишь бы рука убралась.

Цзычэ Уци не просто коснулся его — он начал медленно поглаживать щеку, глядя на него со сложным выражением в глазах. Этот взгляд удивил Дунфана больше, чем неприятное прикосновение.

О чём он думает?

Дунфан когда-то был его племянником, они провели вместе немало лет, но кто мог знать, что на уме у этого человека? Его называли возвышенным, не от мира сего. Он почти никогда не плакал, не смеялся, не гневался. Ничто не приносило ему радости, ничто не вызывало ненависти.

В глазах Дунфана этот обожаемый всеми господин Воци был подобен деревянному идолу, труп или живому мертвецу.

Дунфан с замиранием сердца наблюдал за ним. В этот момент Цзычэ Уци развернулся и вышел. Дверь скрипнула, закрываясь и скрывая его от глаз Дунфана. Лишь где-то в тишине послышался едва уловимый вздох, такой же загадочный, как и его взгляд.

В комнате остался только Дунфан. Он выдохнул с облегчением. Ситуация была слишком странной, ему нужно было время во всём разобраться.

Минуты тянулись. В душе Дунфана закипал гнев, смешанный с тревогой. Даже перед лицом смерти он не был так взволнован. Он планировал перерождение, чтобы стать Бессмертным Призраком, но всё пошло наперекосяк.

Он обнаружил, что не только не может пошевелиться, но и лишился всей своей внутренней силы. Внутри была пустота, как у новорождённого младенца.

Дунфан покрылся холодным потом. У него было бесчисленное множество врагов, и каждый из них мечтал его уничтожить. А теперь он был слаб, как никогда. Любой, кто хоть немного умел практиковать, мог без труда убить его.

Дунфан глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. Его глаза лихорадочно бегали по комнате,

ища выход. Обстановка была предельно простой: кровать, стол, стулья, ширма...

На угловой полке стояло зеркало. Оно не предназначалось для дамского туалета, но было весьма полезно — его ставили в домах, чтобы отгонять злых духов. Зеркало было небольшим, но стояло под таким углом, что Дунфан мог видеть почти всю комнату.

Он взглянул в зеркало и остолбенел. В отражении были видны кровать, стол, стулья, ширма, но не было ни одного человека. Даже его самого там не было.

Дунфан замер. Неужели что-то пошло не так, и он стал призраком?

<http://bllate.org/book/18938/1855714>